

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5

Орел – 2017

Домой идти спокойно уже не мог. Зашёл в ресторан, сел за столик и заказал сто грамм водки, потом – ещё. Сидел в одиночестве, пил, словно приходил в себя. Зал был почти пуст, горожане редко посещали ресторан, разве что в свадебные и другие торжественные дни, либо наскоком, как и он. В основном сюда заглядывали командировочные и местные из числа кандидатов на нары. Официантка Рита обслуживала его столик с неторопливым безразличием. Евгений Захарович, по мере выпитой водки, розовел, в голове у него возникали печальные мысли:

– Всё полетит к чёрту! – бормотал он. – Осколки останутся от страны без тугой скрепы, без жёсткой, но справедливой руки. С Хрущёва пошло всё это безобразие. Правильно, что его отправили на пенсию. На него взглянуть, тьфу! На лице никакого благородства, смотреть тошно! Леонид Ильич – иное дело, у него, кажется, есть уважение к сталинским победам, но всё равно он – птица не масштабного полёта...

И вспомнил Евгений Захарович, как в городе в день мартовских похорон Сталина, в 1953 году, надрывно выли заводские и паровозные гудки, – смертная тоска охватила тогда горожан, мороз по коже пробегал...

– У-у-у – подняв подбородок к потолку зала – вдруг завыл он по-волчьи.

– Гражданин! – Рита, подошла к столику. – Прошу вас, не безобразничайте, идите домой, поздний час, скоро будем закрываться.

– Ты как здесь оказалась? – искренно удивился Евгений Захарович, – с такой аппетитной пошкой...

И не удержался, чтобы не схватить её за ягодички.

– Ну, погоди же, – угрожающе взвизгнула официантка и выскочила из зала.

Спустя десять минут перед Бобковым появился наряд милиции: старшина Сूपьнин и его молодой напарник без лычек.

– Гражданин, пройдёмте с нами! – услышал он.

– У-у-у! – вновь протяжно завыл инспектор. – Опричники явились по мою душу... Не желаете ли выпить со мною по-русски за Победу, за Сталина! Не желаете? Тогда пошли прочь отсюда, враги трудового народа!

Молодой милиционер попытался его скрутить, но не смог. Евгений Захарович ловко вывернулся и прокричал:

– Не смей, салажёнок, трогать меня, я – работник народного образования!

Тогда старшина Сूपьнин, улыбаясь, подошёл к нему со словами:

– Вот и прекрасно! С образования и начнём...

И врезал ему резиновой палкой промеж лопаток. Потом под руки потащили они к дверям мгновенно притихшего Евгения Захаровича.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

РОДНОЕ

Обрывки воспоминаний, путаясь и натываясь друг на друга, роятся в усталом мозгу. Все они приблизительно одной поры, но никак не хотят рисоваться чётче, становиться в стройный событийный ряд. Память бессильна. И всеильна, если яркими вспышками всё же высвечивает эти давние мгновения жизни...

Душный, добела раскалённый июль. Бабушка в сарае варит варенье. Вишнёвое, моё любимое. Сарай приспособлен под летнюю кухню, и дышать в нём сейчас нечем. Потрескивая, гудит керогаз, в эмалированном тазу ворчит и хлопает варенье, одурело, неповоротливыми бомбовозами над тазом кружат осы.

Мне восемь лет. Я торчу на высоком пороге сарая, глядя, как бабушка снимает с варенья рыхлые розовые пенки и собирает их в гранёный стакан. На голове её цветастый платок – я не помню бабушку простоволосой, как не помню и без папиросы во рту или в руке; лоб орошён крупной испариной, на кончике длинного носа, норовя сорваться вниз, блестит большая капля.

Густой аромат варенья смешивается с запахом свежепиленной древесины: вдоль задней стены сарая, на высоту моего роста – поленница. Её вчера сложил я. Отец с одним из моих дядёв, маминым братом, пилил во дворе сосновые брёвна, а потом ловко колот чурки большим топором. К зиме поленница будет под самую крышу и в несколько рядов.

На притолоке, прямо над моей головой, горит в солнечном луче красная звёздочка с армейской фуражки. Звезда аккуратно закреплена в деревянный брус маленькими гвоздиками и светится здесь всегда. Чья она? Отца или одного из многочисленных моих дядек? Решаю, вечером непременно прояснить вопрос, и, конечно, забываю.

Бабушка рукой отгоняет настырных ос, снимает таз с огня и, уперев его краем в тощую грудь, несколько раз встряхивает. Варенье кругообразно болтается в тазу, проскальзывая по самому краю, но не выплёскиваясь, и снова начинает покрываться на керогазном огне. Бабушка отступает на шаг и раскуривает погасшую папиросу – должно быть, папиросу потушила та самая капля, сорвавшись с бабушкиного носа.

– Бауш, дай пеночек, – прошу я.

– Сдурел? Осы там, – и, пока я, приподнявшись на цыпочки, разглядываю вяло барахтающихся в стакане насекомых, бабушка рассказывает страшную историю про то, как её знакомую осу, проглоченная вместе с вареньем, ужалила в горло, и та задыхнулась в одночасье. Бабушка заканчивает: – Вот я их повылавляю, тогда дам...

У меня, как, наверное, у всех, было две бабушки. Жили они почти напротив друг друга, и обеих звали Олями. Чтобы не путаться, мы с сестрой и наши родители, а потом уже и все остальные, никогда не называли бабушек по имени – так и говорили «бабушка Петровна» (это мама нашей мамы) или «бабушка Гавриловна» (мама нашего папы). Сестру – она старше меня на два с половиной года – отдали на догляд и воспитание Петровне, и почти весь длинный летний день сестра проводила в доме напротив, через трамвайную дорогу. Моим же воспитанием занималась Гавриловна, в доме которой и жила наша семья...

Гавриловна строга, спуску не даёт. Она находит меня в самых потаённых уголках нашей улицы и даже в соседнем, заросшем пыльными кустами, грязном помойном рву, по дну которого зловонно струится ручей со смешным названием Ленивец. Бабушка тихо подходит и, взяв за руку, выдёргивает меня из компании сверстников, готовящихся форсировать Ленивец по наведённой собственноручно переправе. И ведёт обедать.

Жарко, и есть хочется только огурцы, но у Гавриловны свои представления о питании ребёнка: она заставляет меня съесть щи, а потом ещё и картошку, тогда как сама всегда только пьёт чай с булкой.

Отец называет Гавриловну на «вы», наверное, он тоже её побаивается...

Морозящее осеннее утро. В школу и сестре, и мне идти во вторую смену, потому сидим за столом, покрытым зелёной плюшевой скатертью, которая поверху, для страховки, застелена газетой, и скучно завтракаем. Бабушка Гавриловна дала

нам манную кашу, положив в тарелки по хорошему куску масла, и ушла по своим делам в другую комнату. Стол стоит у окна, вид из которого... В общем, смотреть особо не на что: потемневшая от дождя бревенчатая стена соседского дома, украшенная наискось глубоким шрамом от снарядного осколка военной поры.

Мы не любим манную кашу! И об этом знает весь мир, кроме бабушки Гавриловны. Проходя за нашими спинами, она заглядывает к нам в тарелки и возмущается, найдя их полными:

– Да вы что, совсем дохлыми хотите быть? Ну-ка ешьте быстро! – и горестно добавляет: – Ох, завербуюсь я от вас...

Что такое «завербоваться», мы не знаем, но слово, скорей всего, страшное, потому что бабушка так говорит всегда, когда нами недовольна. Кстати, непонятно, почему «совсем дохлыми»? Я – мальчик вполне упитанный, сестру тоже худышкой не назовёшь. Вот сама Гавриловна худовата.

Бабушка возвращается с банкой вишневого варенья, говорит, ставя её на стол:

– Может, теперь дело шибче пойдёт. Кладите в кашу...

Варенье мы охотно съели бы отдельно, но делать нечего, добавляем по большой ложке в кашу. Еда в наших тарелках сразу делается мистически лиловой, с чёрными бугорками вишен. Аппетита это не прибавляет, и мы находим себе развлечение: выковыриваем из загустевшей каши ягоды и, съедая сморщенную мякоть, плюём косточки на стол. Маслénка у нас – школа, а банка с вареньем, стоящая поодаль, – многоквартирный дом, из которого идут в школу ученики-косточки. Плюнуть надо метко, чтобы косточка застряла на пути из «дома» в «школу». У меня получается лучше.

– Смотри, смотри! – восторженно кричу, видя, что косточка, выплюнутая сестрой, улетела дальше положенного. – Твой опять прогулять собрался! В кино, наверное, пошёл!

Снова призраком возникая сзади Гавриловна выдаёт нам по подзатыльнику. Мера действует куда лучше уговоров, и завтрак заканчивается скоро...

Зима. Со двора не выпускают, чтобы не извалялся в снегу, катаясь с крутых склонов помойного рва. Как будто я не изваляюсь во дворе, где тоже полным-полно привлекательных сугробов!

За какой-то надобностью забредаю в сарай и нахожу на старом сундуке топор. Его лезвие почему-то перемазано жёлтым крупчатым мёдом. Интересно, что это значит? Мёд так замёрз, что его пришлось рубить топором? Трепетно принохиваюсь – действительно, мёд! Удержаться и не лизнуть нет сил. Мёд тает на тёплом языке, чудесным нектаром проскальзывает в горло. А язык остаётся на промёрзшей до звона железке. Конечно, я ору. Мне больно, мне страшно, мне хочется пожаловаться маме, что подлый топор схватил меня за язык, впился в него зубами и не хочет отпустить. Но хорошо получается только диковатое, отрывистое мычание.

Дома топор, а заодно и мой язык, отливают тёплой водой, освобождая их друг от друга, но ещё несколько дней я не могу нормально кушать.

Этот подвиг членовредительства я повторяю через три года. Мы, четвероклашки, вдвоём с приятелем будем возвращаться из школы узкими дворами пятиэтажных домов, где стоят такие железные штуки в виде буквы «П», вкопанной в землю. Они предназначены для сушки белья, но очень неплохо могут служить футбольными воротами или вместо волейбольной сетки. Приятель зачем-то предложит мне лизнуть одну из железных стоек, и я, дурак, уже имеющий горький опыт таких контактов, послушаюсь его. Домой отливаться водой, с громоздкой каркасиной на языке не побежишь...

Кстати, о мёде. Ещё через два года, с тем же приятелем, опять же после уроков, мы забрели в гости к третьему нашему товарищу и втроём – не скажу, что времена

тогда были очень уж сытные, – слопали трёхлитровую банку великолепно засахарившегося мёда. Не буду рассказывать, как мне было нехорошо, но больше мёда я не ел никогда в жизни.

Снова лето. Марево над просёлком причудливо клубится и завивается. Кажется, вот-вот из горячих сгустков проявится сказочный джин и громовым голосом станет вещать что-нибудь про исполнение моих желаний. Всей семьёй мы идём в лес, называющийся непонятно и даже страшновато – Андриабуж.

Мы приехали на дряхленьком автобусе. Я сидел на переднем сиденье, получалось, только мы с шофёром смотрим вперёд через лобовое стекло. Я представлял, что мчусь на мотоцикле: крутил рукой поручень, добавляя газу; вдавливал ногами в пол воображаемые педали, притормаживая; наклонялся в сторону на поворотах, удерживая равновесие своего стального коня.

Рядом с отрешённым лицом сидела бабушка Гавриловна. Вдруг она почему-то засуетилась, встала и шагнула к водительской кабине. Автобус тряхнуло, и бабушка нелепо, не выпуская из рук маленький алюминиевый бидончик с молоком, упала...

И вот мы шагаем пыльной дорогой к лесу. Вернее, шагают впереди отец с мамой, несущие сумки с едой, а мы с сестрой плетёмся следом. Гавриловна замыкает процессию.

Может быть, даже наверняка, с нами идёт кто-то из наших дядей и тётей, но память не пускает глубже, отказывается рисовать все детали этой картины. Перед глазами посейчас стоят ярко-белая молочная лужа на затоптанном автобусном полу и бледные, отдающие синевой, худые бабушкины ноги под задравшейся юбкой. Сердце больно сжимается на миг, замирает и снова гулко толкается в рёбра. Ну зачем, зачем она взяла в лес это молоко?

Лес стоит высоко, подпирая громаду своей кроны берёзовыми, осиновыми, ольховыми стволами. Здесь хорошо – пыль и зной остались на дороге. Мы приехали не за грибами и ягодами, а чтобы просто быть в лесу: сидеть на разостланном под кустом покрывале, хрустеть огурцом и прихлёбывать терпкий квас, слушая монотонный разговор беспокойных листьев и ленивую переключку неведомых птиц, а потом играть на полянке в бадминтон.

Мы с сестрой заблудились. Отошли-то от полянки чуть-чуть и... потерялись. Ходим битый час во все стороны и никак не можем выйти к родителям. Покричать, поаукать не догадываемся или почему-то боимся. Я уже тихонько реву.

– Не плачь, – говорит сестра. – Сейчас пойдём вон за те кусты и найдёмся. Туда мы ещё не ходили, кажется.

А у самой голос испуганный, и в глазах отчаянье.

Выходим за кусты и натыкаемся на нашу стоянку и папу с мамой. Они и не думали беспокоиться, встревожилась и отправилась на поиски одна бабушка. Она появляется из чащи, как всегда, молчаливая, неулыбчивая. Впрочем, ругать нас никто не собирается, и мы лежим на покрывале в окружении родных людей, с которыми хорошо и спокойно, и весело болтаем ногами...

В обратный путь по дороге Гавриловна ведёт меня за руку. Я устал, ноги идти не хотят. В автобусе сонно рассказываю бабушке, как мы, когда потерялись, встретили ёжика – он круглый и колючий, но совсем не страшный. Мы не стали его мучить и отпустили домой. Гавриловна вынимает изо рта потухшую папиросу, смотрит на меня старыми глазами и тихо говорит: – Оно хорошо, когда по-доброму. Легше так...

МЫ ИГРАЕМ В ДОГОНЯЛКИ

Дождик

*Дождик летний, лёгкий, тёплый
Вдоль по улице идёт:
Озорно стучит по стёклам,
Хороводит у ворот.*

*Отшумел шальным бродяжкой,
А немного погодя,
День горячей промокашкой
Промокнул следы дождя.*

Звезда

*Вот это да!
Вот это да:
В ведре с водой
Дрожит звезда!
Беда!
Промокшая звезда
Сейчас
Погаснет навсегда!
А я спасти её могу
И в сад
С ведром воды бегу –
Я воду выплесну под куст,
Звезда летит на небо пусть!*

К стоматологу

*Дед ведёт меня к врачу,
Я встревоженно молчу.*

*Я сейчас похож на бомбу:
Только тронь –
Взлетит весь мир!
Если мне поставят «пломбу»,
Как я буду есть «пломбир»?*

Превращение

*Как представленный к награде,
Я стою, расправив грудь, –
Из Москвы приехал дядя
На недельку отдохнуть.*

*Незнакомых войск полковник
Или даже генерал,
Прежде чем войти, о коврик
Долго ноги вытирал.*

*Дядя снял парадный китель,
Тапки старые достал...
И столичный важный житель
На отца похожим стал.*

Рыбаки

*Как большие рыбаки,
Тяжело идём с реки.*

*Просидели день не зря:
У меня три пескаря;*

*Два ерша у Игорька,
И карась сошёл с крючка;*

*Целых пять плотвичек Глеб
Наудил на белый хлеб;*

*Всех удачливей Васёк –
Он подлещика подсёк.*

*А Володька слишком мал –
Головастика поймал.*

Самокат

Подивитесь чудесам:

Эх!

Меня!

Он!

Катит!

Сам!

Это – радость!

Это – смех!

Я теперь

Счастливей всех!..

*Но кончается гора,
И скучнее вдруг игра...*

Ах, обман!

Ах, плутовство!

В гору!

Я!

Качу!

Его!

Устный счёт

Хочешь участвовать в нашей игре?

Пересчитаем собак во дворе:

Жучка терзает соседский матрас –

Это у нас получается РАЗ;

Бобик от курицы спасся едва –

Пишем его мы под номером ДВА;
ТРИ и ЧЕТЫРЕ – Барбос и Пират –
Чавкая, кашу из миски едят;
Альма лакает из лужицы – ПЯТЬ...
Дальше попробуй-ка сам сосчитать:
Рекс, как обычно, дерётся с котом;
Найда виляет облезлым хвостом;
Булька грызёт старый папин башмак;
Тузик и Шарик лежат просто так;
Старый Полкан задремал в конуре...
Сколько всего их у нас во дворе?

Приболевший

Я с утра с температурой –
Тридцать восемь и одна,
Потому сижу я хмурый
У морозного окна.

Во дворе Серёга с Мишкой
Лепят снежный бастион.
Я с термометром под мышкой
Им, наверное, смешон.

Проглочу сейчас микстуру
И опять пойду в кровать.
А спадёт температура, –
Выйду крепость штурмовать.

Трубач

Играет мальчик на трубе:
От напряженья бледен.
Малыш противен сам себе,
Тем более – соседям.

А за окном гоняют мяч
Мальчишки без заботы.
От огорчения трубач
Перевирает ноты.

«Несправедливая судьба!..» –
Он думает устало.
Звенит отчаянно труба
Почти на три квартала.

Пенальти

Не спеша иду к мячу,
В руки взяв его шепчу:
«Ну, дружок, не подведи,
В правый угол залети».
На воротах Глеб Титов –
Отразить удар готов.

Он голкипер высший класс,
Но сегодня – против нас.
Это ранит честь мою.
Разбегаюсь, сильно бью...
Гол! Мы выиграли! Ура!..
Завтра новая игра.

Кукла Марина

В детской протяжно вздыхает перина,
Дремлет, намаявшись за день, душа.
Желтоволосая кукла Марина
Ходит по комнате, платьем шурша.

Платье ажурное и кружевное –
Будто бы пенный застыл водопад.
Кукла Марина не знает покоя,
Куклы ночами обычно не спят.

Вот и гуляет она по паркету,
Меряет ночь от угла до угла,
С каждым шажком
приближаясь к рассвету...
Чтоб не шуметь даже туфли сняла!

Повторение

С Игорьком идём из школы,
Повторяем мы урок –
Называю я глаголы,
Их спрягает Игорёк:
- Прогуляться.
- Прогуляем,
Из рогатки постреляем...
Неужели нам опять
Завтра «двойки» получать?

Моржи

Нам с приятелем закалка
Позарез была нужна, –
Лёд разбив на луже палкой,
Мы плескались дотемна...

Удивляюсь непрерывно,
Что с ангиною лежу –
Простужаться не пристало
Мне, занятому моржу.

Чай с малиной пью на ужин
И почти уже здоров.
Игорьку в больнице хуже
Под надзором докторов.

Домашнее задание

*«Ты должен выучить урок...» –
Легко сказать...
Что делать, если
Шестнадцать лермонтовских строк
Не лезут в голову, - хоть тресни!?*

*И как им влезть-то, если в ней
Всего и так набито столько:
Велосипед, футбол, хоккей,
«Битлы» и Курочкина Олька?*

*Зубрю, но как по колдовству,
Запоминаю только точки.
Жаль, но о том, чем я живу,
Не написал поэт ни строчки.*

Догонялки

*Мы играли в догонялки:
Вадик трёт подбитый глаз,
Платье порвано у Галки,
Рассадил коленку Стас,
Локоть сбил Валерка Бочкин,
На моих штанах – дыра...
Догонялки – это очень
Интересная игра!*

Вопрос

*– Отчего же – вот вопрос! –
Конопат у Тани нос? –
Усмехаются подружки,
Видя Танины веснушки.
Таня смотрит дальше носа,
И у Тани нет вопроса.*

Конопушки

*Конопатая девчонка
Довела меня до слёз.
У неё косая чёлка
И слегка курносый нос.*

*На неё взглянуть не смею,
И в мучительной тоске
Я от робости немею
Даже вызванный к доске.*

*Мы сидим за партой рядом,
А пишу ей – в интернет.
Вечерами долгим взглядом
Я сверлю её портрет.*

*Конопушки посчитаю:
Раз, два, три, четыре, пять...
И всю ночь о ней мечтаю.
А с утра молчу опять.*

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

СВЕЖИЕ КРАСКИ

Кошка Муська

*Кошка Муська хочет в школу –
Надоело ей играть,
Надоела мышь под полом,
Что мешает ночью спать.
«Фу, как скучно – мяч и фантик,
На диване – пуховик,
И хозяйский мальчик Владик,
И щенок по кличке Дик...».
Размечталась... Ей бы бантик,
Как у девочки с косой,
И в портфеле – две тетради,
Что так пахнут колбасой.*

Интернет

*Папа вышел в Интернет,
походил, пропал.
Брат за ним помчался вслед,
в Яндексe застрял.*

*Мама в чьей-то электронке
с вечера сидит,
а сестрёнка с кем-то звонко
в «трубке» говорит...*

*Плачет брошенный Артёмка:
«Дядя Интернет,
пожалей, свари ребёнку
кашку на обед».*

Пылесос – хулиган

*Я включила пылесос:
Маме помогала.
Он меня довёл до слёз –
Сбросил покрывало.
А потом «втянул» носки,*